

Из дневников 1977 года

2 января (воскресенье). Вечер. Был у Нели в общежитии. Написал три вещи. Ничего.

Я «могу быть» художником. Писал Таню - красавицу. Забываюсь в работе.

4 января. Уже не пишу портреты, потому что не знаю, в сущности, человека, а цветовыми-абстракциями заниматься сейчас неохота.

6 января. Со всеми рассорился.

Получился хороший портрет Коли. Вдохновенный. Цвет лепит форму.

Не знаю, выгонят, нет из института. Если да, мать будет убиваться. Вернусь к Савицкому.

7 января. Очень грустно кончается книга Эриха Ремарка «3 товарища». Очень. Паб умерла.

Проснулся. Монотонно тикают часы. Вот я и один. В комнате холодает, надо закрыть щели. Это никуда не годится, жить в такой холодине. Только затопишь и опять холодно. Было солнце, немного размягчился и растаял снег, превратившись в грязную кашу, в грязных брызгах тротуары от машин.

8 января. Книги средних писателей похожи на автобиографии, чего не скажешь о великих.

9 января. При свете огарка мои портреты мерцают и живут. Внимательней приглядывайся к людям, набирай знания. Какие они? Изучай, Эдик.

Я должен вырваться из этого заколдованного круга, но для этого нужно чуточку воли. И поменьше болтай. Ты болтлив, как индюшка, Эдик.

10 января (понедельник). Посмотрел потрясающий по жестокому реализму фильм «Андрей Рублев». Голгофа и Колокол мистически чудесны.

Встретил около ЦУМа Жолдасбека (Куттымуратова). Хорошая весть – Савицкий похвалил ему мои работы.

11 января. Я начинаю писать хорошо – а потом порю ерунду.

12 января (среда). Все же не передали фуфайку Вите и вернули обратно. Зашел на почту в конце дня. Света сказала о фуфайке и дала письмо, Витя прислал растроганное письмо.

Мусик сравнивает отношение к культуре при Геббельсе и при социализме. Одинаковый зажим, только официальное искусство! Нам, молодым свойствен критичный взгляд на художников, неискренне и неосторожно влившихся в русло официоза.

13 января. Был на выставке Васильевой Тамары, работы хороши в цвете. Карпунин хорош, оригинален, но мало работ на выставке в «Ильхоме».

Впечатление произвели репродукции Леже.

Не надо никого поражать, писать надо искренне, если не можешь не писать. Предельная откровенность и искренность. Живопись – откровение в искренности.

Полу-влюбился на историчку искусства - в Эльмиру А. - шут я гороховый.

Женщина необходимо кого-то любить, облагородить и найти в любом талант, ради которого она пойдет с ним по жизни.

Видел Мартакова в «Рассоме», пьяного, с пронзительным взглядом. Отдал книги Фаине М., посмотрел на В.И. Бурмакина в гулком большом зале монументальной живописи. Картон Чернышева закончен. Там была Вера Николаевна.

14 января. Я верю, что стану великим художником. Буду одним из мастеров второй половины XX века. Я смогу, чувствую в себе силы необъятные.

Сегодня впервые позировала Люда. Необходимо рисовать обнаженную это даст неопределимую пользу, еще Винсент говорил об этом.

Я начинаю становиться собой и самостоятельным. Карпунин зря так обращается с книгами.

Мне дорог мой студенч. хлопковый дневник, когда-нибудь перечитаю его внимательно.

Марксизм кажется ограниченным, а буржуазизм предоставляет большие свободы.

«Ну что ты не съела всю кашу, почему?». Н.И. обращается к собаке. Рассказывала о зиме, своих детях, учениках, о прошлом. Чудная женщина! «Гайка лапой умывает себе морду, смотри как интересно» - Н.И. к Коле.

Яростный публицист Золо, не знал. Какое умственное наслаждение следить за мыслью умного человека.

16 января. На стене у меня Сезанг, Ван Гог и портрет Че! Все.

Крещенские морозы. Рев самолета. На улице толстая старуха поучает детей арифметике - «А то дам по лбу». Мне надо следить за внешним видом. На улице уже дети смеются - «Сумасшедший, что ли?».

17 января.

Я хочу копировать Ван Гога, Гогена, Сезанна, хотя и понимаю, что Мартаков прав. Он советовал копировать Микеланджело, Рафаэля, Веласкеса, Гойю, смотря на меня пронзительными, красными глазами.

18 января. Вчера в аудитории взгромоздился на подиум и говорил о своей гениальности и все дураки меня слушали.

Я не могу оставаться в этой холодной комнате, пойду в институт. Там хоть теплее.

Слушал магнитофон, Андрей принес. На дворе падает снег. Накурила Люда, дым столбом. Ночь провел у Наташи, целовались. Женя грустна, даже не смотрит. Поссорился. « У него мания величия», «Он возьмет и повесится, и ты будешь виновата».

Хорошо стало, уютно, тихо. Люда шьет, стирает. Сегодня я подумал, что все серьезные, а я нет. Люда говорит «Не надо выделяться». Женя вяжет свитер для заработка, люди стремятся к чему-то, один я дурачусь, играю в великого человека.

Побалагурили, посмеялись хорошо. Люда шьет самцу шкуру, как 3 или 4 тысячи лет назад.

«Из-за тебя Надя плакала» - я умолял простить, Люда в растерянности.

Послушал музыку, смотрел японцев у Рамиля, лежит в постели а la Oblomoff. «Ты третируешь меня и в этом наше охлаждение». Я: «Я гениален», «Больше всего по душе нас будут бить друзья, нас всегда будут предавать наши друзья». Наташа М. в разговоре как-то сказала. Снежно. Собаки на пустой улице, освещенной фонарями.

19 января. Солнце, люди веселые, много людей на улицах, слякоть. В тени домов лед еще не растаял. Как рой мух, мужики около пивного ларька на углу. Поругался с Кокоткином. И зачем я поступил в институт!? Учился бы в Нукусском музее культуры, рядом с Савицким. Поставили втроем - Чернышев, Кокотки и эта кишка - отвратительный натюрморт. Женя, проходя, внимательно посмотрела на меня. Шел из института и думал об одиночестве, опустив голову и смотря по ноги. Скоро весна. Ослепительное солнце. Ребята торшоны покупают, я же отдал Лене бабки за зачетку, денег нет. Ребята угостили

едой, Исмаил принес молоко и хлеб. Отличный парень. Я привыкаю к Люде, мы будто поженились.

Я не знаю меры в питье, еде, в искусстве, болтовне.

Хорошие отношения с ребятами, во взгляде Жени было – «Кто ты, неужели ты действительно мне чужой?». Да, мы чужие люди.

Мирей Матье – чудо певица.

Надо больше работать.

Кокоткин сейчас дома сидит и, наверное, думает обо мне – «бунтовщик», мол. Искусство, настоящее искусство есть, прежде всего – бунт против устаревших понятий. Это как сумасшествие. Да, да, да, я – гений.

21 января. ИЗО (рисовал Ахмедову), обозлилась. Потом посмотрела рисунки. Дала книги посмотреть. Ночь. Объявляю себе 30-дневный траур по майору Эрнесто Че Геваре. Не улыбаться, есть не более 1 раза в сутки, с утра не пить. Работать молча. Поссорился окончательно с Р. Не разговариваю с Нелей, Майей, Манерой, Женей. Я остался один, у меня нет друзей, к горлу подкатывают слезы.

22 января. Петя Кравцов вчера предложил вступить в студенческое научное общество. Мол, меня посоветовал «завербовать» Кокоткин.

Вчера Сережа сказал, что я бросаюсь в крайности.

26 января. Проснулся в 8, встал в 9. Снилось Неля с ребенком, запыхавшаяся, с мороза. Решил в институт не ходить. Ну его к черту! Лучше займу деньги и куплю проигрыватель. Затопил печь. Кипит вода в чайнике. Сходил, сдал бутылки, купил бутылку кефира, хлеб. Для Н.И. молоко и соли. Гайка бросается на детей, пришлось привязать к будке.

27 января.

Полиция останавливает и проверяет карманы. Разница между фашизмом и социализмом стерлась.

28 января. Вечер. Говорил об искусстве, о том о сем с Шоу. Интересный, мыслящий, тонкий. Проводил. Мороз, пустые улицы, даже собак нет.

Ах. сказала, что ей жаль, что ее я теперь не рисую. Красивая в белом, волосы завиты. Ахмедова: «Эти лекции меня уже изнасиловали».

30 января (воскресенье). Вчера возвращаясь из института, встретил Ахмеда. Усатый, торопливый, широкий, по-детски искренняя улыбка и похотливые глаза.

С Ромулом говорил о Гамлете и Саскии.

31 января. Говорил со Светой Бондаревой, советует не ссориться с Кокоткиным, брать у него все, что он может дать, а как у архитектора, у него можно учиться.

4 февраля. Приезжал Арслан. «Ресторан г. Септима». Вечер. Сижу дома. Холодно. Это ужасная мещанская история с предложением замужества – Шоу ее совместного с Аней творчества.

Купил 60 листов торшона. Арслан принес шашлычницу. Оставил леца и уехал. Слушаю Баха. Арслан одобрил дневник. Думаю о Достоевском. Арслан высоко ценит Рублева. Он ехал из Зарафшана, на машинах (от Вити). Хорошего иметь старшего брата друга.

5 февраля. Снился Кокоткин, Ахмедова и т.д. Встал 7:30. Света нет. При огарке законспектировал «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть». На окне потеки льда. Холодное, трезвое утро за окном. Белый чайник, смутное настроение. Вчера с Шоу смеялись над Луи де Фенесом, величайшим комиком.

11 февраля. Посмотрел рисунки старых мастеров Сидорова 1914 года издания. К-н молодчина, обещал столько книг хороших, только теперь я понимаю, как многое он дал мне.

Вечер. Дождь. Грустно. Ахмедова болеет. Так кашляла - «Простите, ради бога». Рисовал. Удачно. Рубан объяснил технику сангины, угля, мела на тонированной бумаге. Даже порисовал соусом. Рубан «Выбирайте главное, Вы не проживете 500 лет». Сильный рисовальщик, я должен с ним советоваться.

Карпунин пьян, в висящем пальто, заляпан грязью. Рыжая борода и стально-голубые глаза. Мостко дала фото рисунков Курзина на неделю.

Хозяйка Н.И. – «Ты будешь великим».

12 февраля. Вечер. 11 час. «Мне вас жаль, Вы не успели порисовать меня» - она, я-«Я бы и рисовал, вы же запретили мне». Она: «Я в пятницу с утра настраиваюсь на то, что вы будете меня рисовать».

13 февраля. Мое положение плохо, ибо ты недосыпаема, ты дочь художника А, люди будут думать, что я ухаживаю из соображений карьеры. Она должна понять, умница, что я не могу подойти, просто не могу. Иду институт. Может быть, увижу ее. Одна надежда. Если не сегодня, может быть, завтра увижу, дай бог.

Ленин ошибался, нет ни свободы, ни демократии. Партия стала диктатором. Милиция – жандармами. Одна демагогия и фразерство. История оказалась учения Ленина.

Снилось убийства, будто зарезали мою первую юношескую любовь, где она теперь - Венера. Тоска, страх, старый дом наш. Борьба в ночном лесу среди скал. До сих пор живет в подсознании гибель одноклассницы Ангелины, зарезанной в трамвае каким-то маньяком.

17 февраля. Написал этюд. Пришла Люда. Уверен, что когда уйду, будет читать дневник. Она порядочная, но любопытства много.

18 февраля. Шамиль говорит «Ты похож на Че, только глаза наркомана». Насторожен, но мудр.

Джалалов встретил хорошо и сказал «Проходи». Выставка изумительна. Вовка Гулямов хорошо выглядит. Нашел его потом в баре. Он вышел, догнал потом. Я счастлив, даже прохожие оглядываются.

22 февраля. Выл в клубе. Очень понравился на этот раз Джалалов. Нигора восхитительна.

26 февраля. Утро. 10 часов. Идет снег. Удивительно, что настроение хорошее. Чирикают птицы. Принимаюсь за работу. Надо где-то заработать или занять деньги на холст и краски. Увлёкся цветовой живописью. Какая хитрая старуха Н.И.. Она перестала уважать меня после того как увидела, что я хожу голый. Сегодня я сделаю все композиции - за исключением макета. Макет - завтра. Вчера, придя из института в 3 часа, работал до 11 ночи. Теперь разоблачу холсты и примусь за ненавистную институтскую работу. Надо взяться за дело. Видел божественную Эльмиру в синем и голубом.

Я спокоен. Женя: «Тебя выгонят». Я- «Я делаю им честь, если учусь здесь». Будем мужественны и вновь обретем энергию и жизнерадостность.

Н.И. – «Пляши Эдик». 100 рублей от мамы и письмо. Получил деньги, отдал Н.И. 21 рубль. На 25 копеек купил хлеб. Осталось 75 рублей и 75 копеек. Идет снег. Троллейбусы остановились. Молока уже нет. Приехал около трех, истратил 30 рублей. 50 рублей истратил за 1 день.

27 февраля. Боюсь не успеть. 7 утра. Один день для работы по композиции. Вечер. Спокойно работаю. Остался генплан и 7 зонтиков. Слушаю божественные "Страсти по Иоанну" Баха.

Опять идет снег. Покосившейся забор заляпан снегом, тонкие деревца полны грусти, по безлюдной улице в кружащихся хлопьях снега под желтыми фонарями и мокрому асфальту идет пара. Мужчина несет узелок, женщина закутана в белый шерстяной платок.

Рамиль и Шавкат, отказались помочь отнести макет в институт. Здесь каждый за себя. Света Хасянзанова прелестна.

2 марта. Сегодня у Нели Караевой был просмотр. Уверен, что хорошо все. В столовой Наташа с завистью смотрела на меня, Алика и женщину в перьях.

Димов удивил сказочными и живописными партнершами на просмотре.

Петрова в доску расстроена, со слезами на глазах. Бедная. Мне кажется, что женщины не должны браться за искусство. Их дело дети, семья.

5 марта. Н.И. расстроена. Математичка из школы покончила с собой, повесилась в ванной.

6 марта. Вчера Чернышов сказал обо мне «Это мой лучший рисовальщик. Ты подкупил нас личностью и искренностью». Я – мастер, по его словам.

Теперь посмотрим на оценки и как это отразится на стипендии.

7 марта. С Викой и Людой отнес проигрыватель Мусику. Нарезают морковь. Его брат в синем, красивая сестра. В институт пришел, выпив кружку вишневки. Все экзамены/просмотры - «пятерки». Удивительно! Пригласил всех преподав и пошли к Мусику. Там я пил, говорил глупости, буянил. Потом, вывалявшись в грязи, зашел к Неле. О чем-то я просил ее, не помню, она отказывалась, я плакал. Еле дошел до дома и дальше не помню, что делал. И Н.И. утром сказала «Не пей так больше».

«Леди Джейн». Надо написать письмо Неле и извинениями.

Сердце – главное наше орудие.

Предлагают перейти на отделение монументальной живописи.

Коля в смятении. Не хочет жить, но любит жизнь.

8 марта 77. Утро. Холодное. 8 утра. “Би Джиз”. Лают собаки, снилось что-то интересное.

В окна льется белый свет. Желтые кисти. Блестящая спинка стульев. Кастрюля блестит в сумраке. Мне снилась Эльмира.

Смотрю фильм «Пока льются слезы». Пьянство расшатало нервы – слезы подступают к горлу. Мне снилось, будто она любит меня и целовала меня. И я был счастлив. Значит все будет наоборот.

Мне не хватает силы воли. Единственно. А так я талантлив и умен. Сила воли, чудовищная сила воли, смелость и мужество – вот какие качества мне нужно воспитывать.

Веду дневник. Помогает мне сорганизоваться, да и принесет пользу будущим исследователям моей жизни.

9 марта 77. 6 утра. Продолжаю работу. Капает вода из умывальника. За окном еще темно.

Идет весенний дождь. Не дай бог завтра тоже. Не улечу ведь домой. Но, надеюсь, все будет хорошо, и я спокойно доберусь до дома. Как распелись дрозды на озере.

10:30. Счастлив! Дождь идет. Отлично сдал экзамены.

Билет в Нукус на 22-го марта.

Готовлюсь к экзаменам. Читаю «Ленинская теория партии нового типа», «Очередные задачи...», «Создание КП Туркестана».

Встретил Женю, Мусика и Волковиста. Все волнуются. Теперь я свободен. Схожу в баню. Постираю. И за работу. Дома никого нет, скоро придет Люда. Нашел бычок в кармане и курю. Завтра домой. Дождь, дождь, листва зеленая, трава зеленая, чистота. Машины несутся как сумасшедшие, потоки брызг, под дождем продают холодные пирожки.

Че на стене, «Би Джиз» на проигрывателе. Шумит дождь за окном.

10:30. Как хорошо быть свободным. Пошла к черту любовь, я свободен, я опьянен свободой. Капли призрачные дождя висят на красных ветках. Я в своей комнате.

Какие наивные приемы - Люды хочет выйти за меня замуж. Было так весело, а стало скучно. Стираю. Купил на ее рубль хлеб, чай, кефир. Говорит, что мама знает, что мы живем. Братья не верят, что она не ездит ко мне. Пускает слезу. Теперь она уже не слушается меня и делает, как ей заблагорассудится. Н.И. что-то варит здесь.

5:30 Люда уехала, стало грустно. Боюсь за нее, как бы ничего не случилось с ней.

22 марта. Говорил с Савицким – 20 миллионов репрессированных. Руководство страны никто не уважает.

Делал наброски с Курзина и Волкова в музее. Смотрел Фалька, Рождественского. Как-то с Арсланом пришли в музей, у него хороший вкус в живописи. Савицкий купил «Портрет Шавката», «Портрет Коли», «Портрет Лиды», «Автопортрет».

23 марта. С Мусиком и Кокоткиным в первый раз в чайхане. Крепкий черный чай, губы в красном жире лагмана, солнце и смеющиеся глаза, сидят блядищи с глубоким декольте.

Мусик: «Наташа говорит, что не может простить мне (мне!), за то, что я сказал «Если Мартаков хочет остаться в истории, пусть возьмет меня в ученики».

«Майя раньше смотрела на меня» (на меня!), но я (я) плохо веду себя пьяным».

Оказывается, я произвожу впечатление на девушек.

Встретили, возвращаясь из института в 8 часов Нелю с подружкой.

24 марта. Один, слушаю югославов в трансляции, чудовищная кампания против ущемления прав человека в СССР. А всякие мудаки говорят «Нам не нужна другая демократии и прав - чем те, что уже есть».

26 марта. 1:00. Только проснулся. Иду в музей и за билетами в «Бахор» на орган Баха.

Вечер. Сегодня интереснейший день. Прежде всего, самое важное. Пришел пьяный Шавкат. Лег на кровати, стал ныть, плакаться, философствовать о человечестве, истине, трудностях, безмолвии, о самоубийстве, о том, что надо быть хитрым и жестоким, а иначе не проживешь. Послал его в дежурный за вином. Заходил Ибрагим спрашивал карты, шатается, пьяный. Н.И. испугалась и позвала меня.

Утром был в «Ильхоме» пусто, только открылся бар. Работы Алишера Мирзаева выставлены. Понравилось 3-4 работы. Портрет Насырова «Летний вечер», «Деревья» и гуашь «Вечер в старом городе». 2-3 рисунка неплохи.

30 марта. Шавката забрала скорая помощь. 2 доктора и 2 санитаря. Во 2-ю психбольницу на Чукурсае. Через полтора часа съезжу. С ним что-то творится, скорее всего, весна, анаша, пьянство, слабое духовное здоровье, половая неудовлетворенность. Все смешалось и в его бедной головке. А все началось с того его разговора у Рамиля после нашей ссоры (с ножом). Теперь я понимаю его несвязанные мысли – все это связано с помешательством.

11-й час. Был у Шавката. Рад. Беднягу Шоу уpekли в желтый дом. Там он сознался, что бывает в нем раз в год. И так, час ночи, Рамиля нет. Ну и чёрт с ним. Где же он? Не случилось ли чего?

1 апреля. Скоро время летит. Я должен сдержать свой обет и прославить своих братьев, родителей, сестер. Они надеются, что я оправдаю их, я же веду себя довольно плохо.

2 апреля. Проснулся в 8 вместо 2. Снилось - меня несет поезд, я растерял все вещи в смятении, не могу собраться, взять в руки себя, дети злы. А поезд все мчится, не дает передохнуть.

Чудесные страсти по Иоанну Баху. Светит в окно солнце. Н.И. подметает «палубу».

Отец Шавката, маленький мужик, похож на него. Напуган, хочет зайти и предупредить декана. С отцом Шавката зашли к Имамову, я объяснил, в чем дело, он даже не обратил внимания на бороду. Мать Шоу плачет. У отца слезы на глазах «У меня 5 детей и никто не болеет и вот только он, как жаль».

Постирал кое-что и пододеяльник. Простыл. Вымыл туфли и полы. Соседи с удивлением смотрел на бородатого, усатого мужчину, стирающего белье у уличной колонки.

4 апреля. Шавкат когда рехнулся, советовал мне убрать всё со стен. Это естественно в его состоянии - излишняя перезагруженность образами. Мы с Мусиком имеем за спиной военную школу, Рамиль сам по себе устойчивее. К тому же Шавкат очень молод. Мы с Рамилем виноваты в его сумасшествии. Мы довели его – ты дурак, мозги скачут, нет логики и т.д. Хотя надо было его опекать. Он куда-то дел 100 рублей, взял у дяди и истратил, на пьянку и т.д.

Бедняга Арслан, мучается там, мучается тоской, обременённый и скованный по ногам семьей, детьми. Говорил мне, что надо уезжать из Нукуса. Витя сидит, а я здесь слабовольничая.

6 апреля. Утром за молоком - 3 литра. Кокоткин ругал. Я сделал только цвет и то все неправильно. Съездил к Гуле за линейками, а взял «Барлаха». После обеда писал натюрморт. Субботник, сбежал.

7 апреля. На политинформации Капустин читал лекцию о насилии в буржуазном обществе. Неплохо, хотя все по конспекту про Патт, Мэнсона и др. Потом была лекция по истории КПСС. Этот Замостянный гонит историю на всех парах вперед к коммунизму.

После обеда сидел в нижней мастерской и под шум, гомон, пустословие писал конспект по последним работам Ленина. Чувствуется его болезнь, мысль его с трудом ворочается. Потом сбежал с субботника.

21 апреля. 3:00. Ложусь спать, читал воспоминания о Че из «Кубы». Почти закончил реферат. Айде очень тяжело пережила смерть Че. В комнате обычный беспорядок, тикают часы. Че был очень смелым. Читая эти удивительные воспоминания, представляешь все наяву и жизненно, словно ты сам вместе с ними сражался.

29 апреля. Сегодня видел огромные толпы людей в очередях с шумом, скандалом за колбасой, яйцами, мясом и рыбой.

30 апреля. Маршировали перед дачей Рашидова в красных трико. Готовились к параду 1 Мая.

11 мая. Были «ИЗО» и «перспектива». Молчал. С Н. отношения лучше. По словам девочек, Сергей и я деградируем. Вчера по пьянке он избил меня, я плакал, бил тарелки, бутылки, изорвал карту Южной Америки и свалил проигрыватель. Вот такие дела.

24 мая. Сначала приехали Мак и Гарри. Выпили у магазина Гарри вздумал затеять со мной откровенный разговор. Он упрекает меня в хитрости, неискренности, мании величия и т.д.

В клубе выставил свои подражательные абстракции Гулямов Вовка. Было интересное обсуждение. Один из парней спрашивал про Арслана. В.Г. сказал, что я братишка Арслана и учусь в институте.

Люда: «Я принимаю тебя таким, какой ты есть и не строю никаких иллюзий, и воспринимаю из того, что ты говоришь только то, что мне нужно». Вечер и тревога закрадывается в душу. Снилось много снов - от изнасилования Нели до убийства собаки.

Кажется, я был груб и жесток с Людой. Когда ее нет, я чувствую, что ее не хватает, а когда она здесь я ее мучаю. Я садист! Нет, я ее люблю. Глупая, но сердце из чистого золота.

25 мая. С утра скульптура. Потом с Мусиком библиотека и выставка Гуляма в подвалах дома молодежи.

1 июня. Чернышев одобрил рисунки – «Мощь», «Убедительно», «Памятник стулу». «Живопись лучше, чем в прошлом полугодии». Написал этюд на холсте незнакомки в красном трико. Смутно доволен.

2 июня. Писал сестру Мусика у него, ели суп, пришла Люда. Пришел домой в час, Н.И. поругалась с Иргашем за то, что он «бочку катил на меня». Слушаю грустного Баха. Очень много тратится волконсковита. Прочел Волошина.

Пишу. Ура! Я вдохновлен. Я, Новый Христос, к вам гряду. Сошел ли я с ума? Нет. Да поможет мне преподобный Серен Аби Кьеркегор. Ура! Ура! Ура!!!

9 июня. Вечер. В музее разговаривал с Риммой Еремян - образованнейшая женщина. Волосы седые, тонкое лицо, сидит за дверью с табличкой «Русское искусство». Там же сидит девушка, Флора. Еремян ругала очень Маркову (патология, эгоцентризм и т.д.). Еремян предлагала портрет Успенского для музея. Рассказала о мемуарах Мартынова и ужасные пошлости о Е. Коровай. Неприятно, она с таким увлечением копается в мрачном уголке кладбища узбекского искусства.

15 июня. Противно, вдохновение прошло, а работать надо, нужно найти что делать, к тому же я очень устал от любовей, живописи, от постоянных отказов позировать, от склок, от смутной жизни, тоски, взлетов и падения души, от выпивки, от косых взглядов, от одиночества. Надо взять себя в руки, сжать зубы и начать работать, не обращая внимания ни на что, главное работать, работать много. Все остальное к черту.

Перед моим окном растет огромная, раскидистая орешина. Крыша среди зелени, кажется розовой, хотя из белого шифера.

1 июля. Макарик живет далеко, отдельной жизнью, метался из крайности в крайность, много пил, безобразничал, хотя научился пить, не сильно пьянея.

1 семестр – все пятерки, второй- 4-ки и много троек. Ужасно. Зачеты сданы почти все. Правда предстоят два экзамена, пустячных - история КПСС и Изобразительного искусства от древности до эпохи возрождения.

Ходил в своем хаки, немного смешном в этом городе. Топчусь на месте, нет среды, но все же это лучше - чем армия. То ужасное и пустое время тоски, жажды общения, жажды свободы, морских качек, слез и отчаяния.

Люда закончила Пединститут. Валя – «консу». Алишер взял академотпуск, Ахмед женился на Нурие, Мира выходит замуж за щеголя. Асимхан женился, у Гуляма была выставка.

Было мне плохо и хорошо. Был горный поход, через перевалы, очарование и трудности которых я до сих пор храню в памяти, как ледяную воду в ручье. Проходит фанатичная любовь к Ван Гогу и Вальехо.

Побрился и постригся наголо. Купил шляпу и стал сразу похож на «джентльмена». Кошечка спит, свернувшись клубком на подоконнике, началась жара, снова жара. Возможно, на следующий год я буду в Москве, если это будет так, то мне все же жаль покидать эту милую квартирку. Как мне не хватало все это время «нукусского Таити», Савицкого, Инны, Наташи.

Я сентиментален, но это не беда. Хуже, что я мучительно не удовлетворён собой и недоволен окружающим.

Отпустил брюшко. Располнел и распух от пьянок.

3 июля. 11:30. Устал. Немного работал над этюдом Марины, пролессировал ультрамаринном портрет сестры Мусика. Сегодня сделал несколько хороших работ.

Читаю Гоголя, письма П. Сезанна. Потрясающие письма старости, мужественнейший мастер. Но не понравилось его пренебрежение к Гогену и к Ван Гогу.

Устал. Сразу много нельзя работать. А надо постоянно и размеренно. Ложусь спать. Завтра утром придет Петруччо с книгой, после обеда Мусик, видимо в последний раз. Что делать? Я до сих пор не могу примириться с мыслью, что расстался с лучшим другом, большим художником и отличным парнем. Настроение тоскливое, чего-то боюсь, а чего - не знаю. Денег ни копейки, я основательно сел на мель, жрать нечего. Но начал работать. А это не совсем плохо. Город затихает, слушаю «Пока льются слезы».

5 июля. Коля на портрете Пети выглядит Тилем Уленшпигелем, вечно не унывающим и бодрым.

6 июля. 3:45. 6 мух в стеклянном стакане. Прыгают, ползают. Варю суп. Пьем пиво «Экстру». Проводил Мусика и Майю на Чиланзарскую квартиру.

Мусик обманув меня, взял как прикрытие для встреч с девушками в общаге. Меня называют «Козох». Смешили девочек.

Люда говорит языком пластинок Мирей «Люблю», «Для тебя», «Прости мне этот каприз». 2:30 ночи. Тихо, часы. Полессировал несколько работ и «Даму в шляпке».

Я начинаю серьезно подходить и понимать живопись. Идет творческий подъем, но с переломом. Я начинаю любить свои вещи и пытаюсь их выделать.

Не отправил в этом году ничего Савицкому, сам недоволен, в работах все еще «не я».

7 июля. Утро. Около 11. Поработал над живописной отделкой работ. Иду в институт на экзамен по ИЗО. Что-то каждое утро ужасно тошнит, кашляю мокротой, боюсь, сказывается действие красок.

8 июля. 5 утра. Приступаю к работе. Написал 3 картины. Потом спал. Схожу в институт. Сдал ИЗО. Попотел. Эльмира А. меня гоняла на экзамене по всей программе, вспомнила какого-то Апоксимена.

Принес еще планшеты, холсты, картон из института. Скоро подойдут Мусик и Майя.

15 сентября 1977 года. 8:00. Я все еще не уехал после каникул в Ташкент. Вечер. Закончился первый день работы на раскопке средневекового дома. Верхний слой 30 см. Нашли 2 медные монеты, бусы и одну медную серьгу. Нас 6 человек. Савицкий сварлив, татарин Фаим – шофер, неплохой парень похожий на Гогена, немка – художница Шпаде Альвина, молодой парень – Вася с курткой «USA». После обеда он стрелял дробью по камню (довольно) метко из 2-х стволки.

Савицкий берет в музей 6 моих новых и 5 старых этюдов. Рассчитываю на 500 рублей, только не надо с ним торговаться, опять ругаться. «С мелочей начинается большое» - И.В. Савицкий.

Мама не хотела отпускать в экспедицию. С отцом было несколько душевных разговоров об искусстве и о его писательских планах. Мира очень выросла, Арслан работает. С ним как-то говорили о моем дальнейшем пути в искусстве. Он говорит, что у меня есть свой и заметный голос, что он это знает, советует мне изучать классику и совершенствовать мастерство формы.

16 сентября 1977 года. Ночью Савицкий с Фаимом на машине заблудились, мы так светили им фонариком, что батарея села. Светили до тех пор - пока они не заметили нас и дали сигнал, что видят лагерь.

Думаю о доме и о Люде. На Савицкого зол, он оскорбил меня, мол, прикидываешься дурачком, я решил забрать у него свои не купленные картины.

17 сентября 1977 года. Итак, наступает 3 день работы и 4-й день нашего пребывания здесь. Вчера вечером изумительно погуляли и искупались. Я нашел бронзовое кольцо.

3 часа дня. До обеда нашел 4 монеты на такыре. Игорь Витальевич – монету с профилем. Фаим - оссуарий с головой. На радостях И.В. сготовил отличный суп.

Купался. Теперь идем с Васей к Аяз-Кале, отсюда в 5-6 км. Фаим с корейцем поехал на озеро ставить сети. Тихий жаркий субботний день клонится к вечеру.

И.В. - «Когда женщина имеет свою голову, с ней лучше не иметь дела» - по поводу Альвины и моих ссор с ней.

18 сентября 1977 года. Утро. Рассвело. Тихо. Облака со шлейфами. Сегодня воскресенье. Вчера с приключениями добрались до Аяз-калы. По пути туда я уронил в канал бутылку водки, когда переправляли вещи. Полчаса ныряли с Васей. Осмотрели 3 крепости, вернулись затемно, поужинали и легли спать. До обеда я нашел 4 монеты и на Аязе - одну (в нижней крепости). Ходил по пустыне до 2 часов дня. Жарища, изнемог, еле тащился, нашел много бесформенных кусков бронзы, одну монету. До Кырк-Кыза, как намеревался, не дошел. Сейчас сижу на берегу речки, только что вышел из воды, плещутся рыбы. Помог Фаиму поставить сети, укрепили на обоих берегах деревянными кольшам. В лицо светило заходящее солнце, донимают мухи, комары, москиты. Понемногу читаю «Фиесту» Хэма. Скоро пойду в лагерь. Приехали Неразик Елена, Евдокимов с еще одной женщиной, великосветские разговоры о старой ушедшей изобильной (с грустью) Москве. Вася отказался от обеда. И.В. был недоволен.

19 сентября 1977 года. После завтрака копали на такыре возле античного дома, вскрыли десяток метров и ничего не нашли. Вернувшись к лагерю, с Савицким продолжили раскоп вчерашних оссуариев и тоже ничего не нашли. Я сильно загорел, кожа на лице задубела и стянулась. Игорь Витальевич не жалеет себя, работает на солнце. Он устал, рука у него еще не зажила.

Савицкий, Альвина, бородач и Фаим уехали в «дружественный» лагерь. Сказали, что приедут в 10-11 часов. Много работал после купания в обед. Ставили сети, волны, сильный ветер. С Савицким немного пробыли на раскопе и сразу перешли копать свою комнату, наконец, дошли до ровного, твердого пола. После того, как он ушел готовить ужин, я нашел много черепков кувшина.

Здорово поработали сегодня. Савицкий сказал «Как «ишаки». Спокоен, веду здоровую жизнь, тружусь, хорошо работать физически. Фаим нашел монету на такырах. Альвина убила змею.

20 сентября 1977 года. Утро. 7 часов. Так не хотелось вставать. Холодно. Савицкий и Альвина встали. Будем загружать машину керамикой. Фаим едет в Нукус. Встало солнце и освещает восточное окно плато, полощется полотенце. Голова свежеет от дурмана сна, слышен рокот трактора.

Не рисую уже месяц и совсем забыл Ташкент, квартиру, Люду, Н.И, Колю, Ромула и т.д. Итак, я перешёл на второй курс Т.Т.Х. отделения «интерьер». Я понял, что мне надо поднажать и стараться учиться на отлично и получать стипендию. Питаться рационально и дёшево, читать, конспектировать, писать портреты, пейзажи, картины и изучать тщательно мастерство старых мастеров.

И.В. ругался, но, странное дело, я нисколько на него не обиделся, взрослою. Посуду мыть некому, я отказался, у меня болит палец и его нельзя мочить.

Обед. До обеда поссорился Савицкого. Зря процитировал ему Поля Сезанна, что «Музеи - кладбища искусства» - оскорбил самое святое для него дело. А он наговорил мне всякого.

21 сентября 1977 года. Утро, еле встал. Снились кошмары. Савицкий хотел поговорить по душам, но я отмолчался. Тепло, ветер утих. Слышен рокот трактора, зовут завтракать.

Обед. Альвина еще копается в раскопе. Проверили сеть на коллекторе, попался жерех (живучий). Вечером должен приехать Фаим с вином, вот напьемся. Савицкий кашлял, готовит обед. Я начал раскоп на холме. Нашел 2 стены (южную и западную). За завтраком Савицкий извинился.

23 сентября 1977 года. Игорь Витальевич и Альвина на уже раскопе. Помыл посуду, заварил чай, тяпнул 100 грамм водки, разбавил спирт с водой. Надо будет извиниться перед ребятами. Всю ночь и мне, и Савицкому (он утром сказал) снились странные сны.

Время послеобеденное. Помыл посуду. Игорь Витальевич ушел гулять, Альвина на раскопке. Вздремну. Как хорошо спать на ветерке в тени.

До обеда много кидал земли. Устал. Болтали об искусстве с Альвиной, о «негодяе» Гогене, о Ван Гоге, Курзине, Волкове, о ее жизни, учебе и т.д. Мне она все больше нравится. За внешней грубостью – очень нежный и беззащитный человек.

Навестил рыбнадзор. Полный мужчина с кобурой, переспросил: «Это Вы Савицкий, я слышал о Вас». Альвина называет И.В. «боженькой». Жаль отсюда уезжать. Такая красота, тишина.

Под вечер, когда садилось солнце, приехали Фаим, Витя и Эдик – фотограф, что возмутило и огорчило Игоря Витальевича – опять будут пить. В понедельник мы уедем в Нукус. Савицкий устал. Узнал от Альвины о Курзине и Тале, который донес на Курзина за отзыв на свои работы - «Развесил свои жидовские сопли».

Нукус. 30 сентября 1977 года. То, что в Ташкенте, на просмотре возле моих работ был разговор неприятный для меня, осуждение и низкие баллы – это не совсем плохо. Это даже хорошо, Кокоткин сказал в конце, что моя живопись ему нравится. Чернышев отрекся от своих прежних «преждевременных» оценок за 1 семестр и ругал рисунок «это рисунки очень маленького художника, но не студента». Действительно, я возгордился и писал спустя рукава, тем более что много пил. Стоял я бледный от недосыпания, не зная, куда девать руки.

Читаю и сортирую письма. Наташины письма (Леде) так обаятельны, искренни. Жалею о ней, я многих встречал, обижал, прощался. Все было неровно. И напишу о ней в дневнике, постараюсь вспомнить. И представить. Читаю письма Сергея Макарик тех лет.

25 октября 1977 года. Уже в несколько дней в институте. Вчера, разговаривая с Сергеем, я затронул тему искусства и политики. Все началось после того, как мы распилили 2-ю

бутылку. Кто-то сказал о покупаемости картин. Я ответил, что времена, когда картины покупали, прошли и что теперь профессиональные художники - парадоксальное понятие, ибо на плоды своей профессии художник не живет. Искусство, которое само приходит к политике – мощно (Гуттузо, Курбе), а когда политика навязывается искусству – оно отвратительно. Пикассо в советских условиях невозможен, ибо нет рекламы и нет покупающих буржуев. Кроме того есть диктовка искусству тем, образов, средств выражения и даже форм. Дворяне были культурнее рабочих и крестьян, пришедших к власти в результате революции. Этим объясняется то, что там (на западе) мощное развитие искусства, а здесь завербованное, уродливо старое и принужденно-политическое, необъективное. А я хочу объективности, это мое субъективное мнение. Зачастую искусство показывает идеал жизни для толпы, к которому она должна подражать, а, следовательно, и здесь и там, искусство играет роль пропаганды.

30 октября 1977 года. Вернулся в Ташкент, устал, болен, кошмары. Утром пришел Петя и еле поднял меня, развеселил, и мы, позавтракав, отправились в институт. Сидел на лекции философии у Джаббарова. Говорит смело о многом и откровенно, что думает.

Мостко обещал в понедельник принести диплом Светы Николаевой. Тянет с прошлого года, проявляется искусствоведческая натура червя на кладбище искусства. На лестнице поздоровался с Мирой. Она улыбнулась и сказала, что не узнала меня. Сначала одни, потом вместе с Майей и Камилем. Вел безобразные антисоветские разговоры и чувствовал, что не выполняю обещания данное Арслану и отцу - не болтать, стукачей вокруг много.

Пил с Макариком два дня. Ездил в Солдатское, там я родился и почти 20 лет спустя я возвращаюсь. Ехали вдвоем на мотоцикле. Дождь в лицо, промокли, продрогли в 40 км от Янгиюля. Не нашел я свой дом, да и как было узнать после стольких лет, когда все изменилось. Единственное, что знал это, что родился я здесь. Там были высокие деревья, там похоронен мой отец, которого почти не помню. Нашел я кладбище на холме, разделенное оврагом на мусульманское и корейское. Полчаса под проливным дождем, по колено в мокрой траве, рыжей от осени, я искал могилу отца. Не нашел. Смертные надписи на могилах, кладбище заброшено и заросло травой. Стояли между металлическими оградами и Макарик сказал, что все мы умрем.

Один Петя и Макарик иногда поддерживают меня. А настоящие, любимые друзья ушли в прошлое и ничего не знают обо мне, и я не знаю о них, как они обо мне. Мусик уехал учиться в Россию и он там одинок.

29 октября 1977 года. Получил ругательское письмо от Вити, где он посылает меня к черту, которое меня расстроило и подстегнуло в некотором смысле.

Ответ Мусика доброжелательный и радостный.

За месяц не написал ни одной картины – сплошное безобразие, пьянки, разврат и глупость.

Вечер. 11:30. Люда лежит в постели. Сегодня мы с ней видели и слышали в ОДО Жанну Бичевскую. Огромное удовольствие. Она пела наряду со старыми и некоторые новые песни. Встряхивала головой. В черном платье до пят. Очень архаична и непринужденна. И ансамбль соответствовал. Виолончелист в парике, альтист - высокий блондин похожий на поляка. Пианист в возрасте, юный соло-гитарист и грустный ударник. Настоящая культура, большое искусство. Была масса народа. Много красивых девушек. Небольшой, обильно орнаментированный зал так хорошо гармонировал с их песнями и музыкой. Мы сидели на втором ряду. И близко видел потрясающую, обаятельную певицу. Перед концертом мы поужинали в захудалом кафе на Бешагаче, полном студентов и алкоголиков. Приветливый и разговорчивый таксист отвез нас, я щедро дал ему на чай.

Прямо расцвел душой. Концерт Жанны Бичевской как бы символизирует перелом в моей жизни, от упадка и отчаяния к свету и мужеству.

Написал письмо Мусику и сбросил его в почтовый ящик. Сейчас я вспоминаю, как гостил у Димы в Янгиюле, такая милая и трудолюбивая семья. Немного обидел меня его отец, не дав мне книги почитать. После физкультуры зашел отдать фотографии Вере Николаевне. На кафедре увидел ее и Иру. Они сидели за столом. В.Н. вязала, я спросил ее об истории Узбекистана и об архиве УзССР, образовавшейся в 1924 году. Она сказала, что басмачество сохранилось до сих пор, но не носит цветные халаты, чалмы, бороды.

6 декабря 1977 года. Закончил голову Елизаветы Макаровны. Потом пришел Чернышев. Сказал, чтобы я закончил рисунок и больше его не трогал. Рыжебородый и очень красивый, мой учитель. Второй рисунок посоветовал обобщать и работать над формой.

19 декабря 1977 года Дома, делаю уборку. Дима привез две бутылки сухого вина разных сортов. День пасмурный. Утром, когда я лежал голый, пришла Ира, дочь Ольги. Оделся, написал этюд на картоне с нее. Купил бутылку хлопкового масла. Слушаю Баха, так покойно на душе. Как будто все, что со мной происходит - когда-то было и снова будет. Вчера выпили водку и вино по бутылке. Сходил к Сергею Ив. и к Макарику. Он побелил комнату с мамой. Чисто, прибрано, на окнах занавески. Взял у него почитать книгу Ганди «Моя жизнь». Сыро на дворе. Бегают щенки. Написал большой портрет Пети. Все они считают меня пьяницей и безвольным человеком. Как бы не так, я им докажу. В прошлый четверг ночевал у Иры, дочери Екатерины.

6 часов. Сумерки. Почти заканчиваю стирку. Остались половики. Небо порозовело на западе. Легкие облака. Мне надо работать физически. И поменьше заниматься самокопанием и самобичеванием. Без всяких громких слов – заняться самым насущным делом. Чувствую усталость от самого себя. Хочется успокоиться и перестать, хотя бы на время, метаться из конца в конец. Не болото, а просто тихой гармонии – вот что мне нужно. Ну и что из того, что нет вокруг друга и нужного окружения? Не надо истерики, Эдик. Разве свобода – это мало? Вспомни-ка службу, ведь там тебе было еще более одиноко и тяжело. Постарайся дисциплинировать свою жизнь, придать ей некую ритмичность и созвучность. Оставь всякие мысли о смерти и бренности жизни, займись теми мелочами, которые помогут тебе обрести себя. Не унывай, все обойдется.

Вечер. 8 часов. Устал. Надо отдохнуть чуток. Ночь. Темно. Облака, освещенные луной. Пети нет. Что же с ним стряслось. Обычно он приходил раньше. Дочитал томик «Избранное» Рильке. Изумительно. Читал его лет шесть назад в Нукусе, а не понял, и он был еще сложен для меня.

25 декабря 1977 года Вчера был прекрасный праздник, просто чудо. На мой день рождения пришли человек 12. Всю ночь пили, смеялись, разговаривали, танцевали, дремали. Коля был с Любашей, общительной девушкой в очках, желтом сарафане. Петруччо показал класс танцев. Дима куда-то делся ночью, ушел, никому не сказав ни слова. Утром взяли 3 бутылки вина в гастрономе. Ночью выпал снег и шел мелкими снежинками, были Гифа и Андрей. Днем мы спали до вечера. Люда убралась дома, приготовила еду. Иры не было. Вчера я провожал ее до туркменского базара, видел впервые Ладочку. Милая крошка с теплыми коричневыми глазами, большие пушистые ресницы, пшеничного цвета волосы, застенчива. На остановке украдкой разглядывала меня, прижавшись к ногам мамы.

Был разговор с Ирой на кафедре декоративного искусства. Она: «Я не могу в таких случаях, бегу, уезжаю, куда глаза глядят. Я смеюсь на людях, а внутри меня все рвется».

Я начинаю понимать людей. Вижу, как они тоскуют и одиноки. А ведь человеку нужен человек. Без этого он – камень.

25 декабря 1977 года. Что-то не приехал Савицкий.

Вечер. Немного устал и проголодался. Утром в часов 10 пришел в институт по морозу, с планшетом и портфелем. Чернышев вызвал в коридор поговорить.

- «Что с тобой творится, запил что ли? Может, я могу тебе помочь?»
- «Да нет, я возьмусь».
- «Вижу, разговора не получается» – сказал Чернышев и пошел по коридору.

До 12 часов мы рисовали голову бородатого старика. В перерыве Чернышев завел разговор о Савонароле и об отношении к его деяниям. Он сам «против», я «за». Савонаролу я уважаю за искренность и фанатизм, неистовый борец против утонченности, изощренности и т.д. Чернышев не может простить Савонароле четырех картин Боттичелли, сожженных им костре.

Наши девушки завели разговор об эмансипации. Я считаю, она хороша, когда не приравнивает женщину к мужчине. Это два разных мира. Шел разговор уже наверху - плохо ли когда ребенок растет без отца. Плохо.

Кокоткин вызвал в коридор и поговорил со мной о моих пропусках и будущем.

- «Учишься средненько, ты подводишь нас с Чернышевым».

Кокоткин рассказал историю про своего однокурсника, теперешнего ведущего ленинградского диссидента, и историю Гольдрея. Первый, после ломки снова начал учебу, закончил и получил диплом. Второй не имеет чинов. Диплом нужен, сказал Александр Сергеевич. Я благодарен ему за доброту и внимание ко мне. Он прекрасный человек и хороший специалист.

Вечером грусть, красный закат, синие дома, свет в окнах и белые фонари. Возвращались втроем – я, Гулям и Петя. Купили картошки. Пока готовили ужин, погас свет. Ужинали при плошке и сейчас сидим перед ней. Она бросает тусклый свет на клеенку стола.

Петя пишет стихи. Изумительный и своеобразный человек. Чернышев советует ходить на секцию молодых художников в Союз и показывать свои работы.

26 декабря 1977 года Вечером говорил по телефону с Арсланом и мамой. Оказывается, Савицкий хотел предложить мне взять академический отпуск и поработать у него в музее. Говорил с мамой. Милый голос. Савицкий – у Эдика творческий кризис. Савицкий решил выставить в Ташкенте на выставке три мои картины - дипломатический жест Савицкого.

Когда я выпью, у меня обостряется цветовое ощущение предметов. Я только что начинаю становиться художником в полном смысле этого слова.